

Частный детектив
Татьяна Иванова

МАРИНА СЕРОВА

Поддавки
с убийцей

Марина С. Серова
Поддавки с убийцей
Серия «Частный детектив
Татьяна Иванова»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166893

Поддавки с убийцей: Эксмо; М.: 2007
ISBN 978-5-699-22774-7

Аннотация

Очередной клиент просит частного детектива Татьяну Иванову помочь ему в покупке загородного домика, владелец которого – бывший уголовник Кирилл Семиродов — категорически отказывается вступать с ним в какие-либо переговоры. Первое же знакомство с хозяином едва не заканчивается для Татьяны трагически: кто-то набрасывает ей на шею удавку. А еще через несколько дней в поселок приезжает некая молодая особа и заявляет, что именно она истинная наследница дома, и требует, чтобы Семиродов отдал ей какие-то таинственные «капли»...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	30
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина Серова

Поддавки с убийцей

Глава 1

Мертвый сезон в работе всегда немного расслабляет, а для частного детектива это роскошь непозволительная, поэтому – чтобы не потерять форму – я решила отправиться в спортзал к своему лучшему другу (и даже более того) Константи-ну Чекменеву, с которым собиралась провести сегодняшний вечер. Правда, последние несколько дней он практически не покидал свой спортзал. Предстояли какие-то ответственные соревнования по рукопашному бою с приличным призовым фондом, и он готовил к ним свою команду. Это тоже бизнес!

Вот уже почти месяц я испытывала дефицит в солидных заказах. Можно было подумать, что с наступлением лета деловая жизнь Тарасова замерла, а криминал снизил активность до минимума. Проблемы улетучились или усохли под жарким июньским солнышком, и наступил мертвый сезон. Что показательно, в прошлом году в это же время было то же самое, а это уже похоже на закономерность. Самое время для того, чтобы позволить себе отпуск. Гонорар за проведенное мной последнее расследование я присоединила к своему банковскому счету – пусть капают проценты – и трогать его

пока не было резона. Оставшись без копейки, я была сейчас не против взяться за выполнение каких-нибудь несложных и скучных поручений вроде тех, прошлогодних.

В тот раз мне пришлось поработать профессиональным фотографом и проторчать под жарким июньским солнышком несколько часов. Не обошлось, правда, без мелких неприятностей и погони.

Бизнесменчик, для которого я трудилась, занимал пост начальника отдела одного из муниципальных управлений и очень гордился своей важной должностью, которая, помимо неплохой зарплаты, давала ему возможность иметь небольшую, но весьма доходную фирму с филиалами.

Бизнесменчик заподозрил в нечистоплотности своих помощников, но просто выставить их за дверь считал слишком примитивным, а потому приготовил им некую каверзу. Для этих целей ему понадобились мои услуги, а точнее сказать, фотографии.

Я добросовестно сфотографировала и злополучный рефрижератор, и водителя, и экспедитора, и грудку товара, перекочевавшего из машины прямо под чахлую крону придорожного дерева.

В общем, работу свою я сделала, как всегда, чисто, и заказчик был мною доволен, чего, впрочем, я не могла сказать о себе. Только не подумайте, пожалуйста, что я была недовольна собой – нет-нет, такого со мной не случается. А вот в нем, в моем скупом рыцаре, я была несколько разочарована

– уж очень тяжело он расставался с деньгами, хотя мой гонорар в пятьсот «деревянных» и деньгами-то можно назвать лишь с большой натяжкой.

Я не случайно вспомнила о том деле именно сегодня. Не успела я доехать до спорткомплекса, как мой сотовый напомнил о себе сдержанным попискиванием. Звонил мой прошлогодний клиент. Не застав меня дома, он перезвонил мне на мобильный и попросил о встрече. Я решила поменять свои планы и вместо приятного свидания поехала на деловую встречу. Единственное, что меня немного смущало, – это мой совсем не деловой спортивный костюм. Ну да ладно, переживет.

Имя моего клиента – Игорь Малышев, но ему нравилось, когда его называли Гансом. Немолодой, вальяжный, с претензией на барственную утонченность, он даже немного нравился мне за полное отсутствие презрения к окружающим, недалекий ум и своеобразный юмор, проявляющийся в те редкие моменты, когда Ганс не был занят самолюбованием. К тому же он очень любил женщин, и для того, чтобы не тратить сил на самооборону, приходилось держать его на расстоянии, контролируя каждое свое слово. Этим он меня немного утомлял. Впрочем, за время, прошедшее с момента нашего знакомства, он, получив от меня несколько уроков хороших манер, неплохо усвоил их, и теперь мне стоило только не поощрять его, чтобы чувствовать себя в его обществе спокойно.

Ганс встретил меня в вестибюле своего солидного учреждения. Церемонно поздоровавшись, он покосился на мое спортивно-военно-полевое одеяние, выглядевшее здесь несколько неуместно.

– Впервые вижу вас, Татьяна Александровна, не в строгом деловом костюме, – не удержался он от замечания. – (Интересно, а в чем бы он поехал в спортзал?) – Хотя я поражаюсь способности современных женщин менять обличье, остаюсь при этом неизменно очаровательными.

Замечание приобрело вид комплимента и сняло возникшее между нами напряжение.

Он с ходу подхватил меня под руку и повел вниз по лестнице. Мы миновали автостоянку и вышли к небольшому скверу с голубыми елями у входа.

– Мне не хотелось говорить о делах в кабинете... Так, знаете, из осторожности...

Намерение сейчас же освободиться от его руки пришлось попридержать, потому что меня заинтересовало его вступление. Ведь с этого может начаться интересное дело, стоящее хороших денег, заработать которые я была не против.

Малышев помолчал, собираясь с мыслями, и со вздохом проговорил:

– Задумал я, Татьяна Александровна, дом построить. И место присмотрел великолепное. Представьте, край города, до жилых строений – метров сто, до дороги – не меньше трехсот. К тому же в округе разбит парк, огороженный забо-

ром. В общем, лучше не придумашь. Но дело в том, что на том самом месте уже стоит дом. Большой, старый, деревянный.

Он надолго замолчал.

– Мне становится скучно, Малышев, – напомнила я о себе.

– Хорошо! – наконец-то решился он. – Домом владеет некто Семиродов Кирилл Федорович, человек преклонных лет и с бурным прошлым. Все документы оформлены на него. Чего казалось бы проще, купить дом, снести его и поставить на этом месте свой. Я пытался их заинтересовать деньгами, квартирой, тем и другим вместе. Предлагал варианты, от которых не отказываются люди и с большим достатком, чем у них. Тщетно! Старый Кирилл и слушать меня не пожелал. Я поговорил с глазу на глаз с его племянником, Иваном. Так, знаете, наудачу... Он производит впечатление пьющего, так я налил ему перед разговором, но сразу пожалел об этом. Иван понес такую белиберду, извините, что ничего я не понял и не стал разбираться в мешанине обстоятельств, амбиций и пьяной болтовни.

– Вы хотите, чтобы за вас это сделала я?

– Не только. Мне нужен дом Семиродова, и я прошу вас склонить его к сделке. Возьметесь устроить дело?

Наступила моя очередь, глубокомысленно вздыхая, воспользоваться паузой. Он оказался терпеливее меня и не торопил.

– Это хлопотно, – наконец ответила я. – Хлопоты сами по

себе энтузиазма не вызывают. Заинтересуйте!

– Вознаграждение я готов обсудить прямо сейчас.

– Гонорар, – поправила я его. – Хорошо, я назову его сумму, но обсуждать это не собираюсь. Не будем торговаться, Ганс.

– Не будем, – согласился он. – Я рассчитываю на ваше благоразумие. Итак?

– Тридцать процентов от суммы сделки.

При виде его округлившихся от изумления глаз я сочла необходимым уточнить:

– От общей суммы: за дом, за надворные постройки, за приусадебный участок и за землю.

– Земля не их, земля принадлежит муниципалитету, – уточнил он быстро.

– Жаль! Нет, нет! – остановила я его. – Никакой торговли.

– Согласен! – принял он наконец решение и рассмеялся: – Удивительная вы женщина, Татьяна Александровна!

– Уж какая есть!

Я получила от Малышева листочек, на котором он криво нацарапал адрес Семиродова, и оговорила условия. Для него они были совсем не обременительны, но важны для меня – право отказаться от дела после ознакомления с деталями и размер накладных расходов, не входящих в гонорар, остающийся у меня независимо от исхода.

– Вы своего не упустите! – ухмыльнулся Ганс.

Я восприняла это как комплимент и оставила его реплику

без ответа.

В рассказе Малышева я отметила два заинтересовавших меня момента. Но прояснять их сразу не стала, а оставила на потом, чтобы не портить о себе впечатления преждевременными расспросами.

Расстались мы с ним не слишком сердечно. Он остался недоволен неопределенностью, поскольку не добился от меня окончательного согласия взяться за это дело. А я обдумывала, сколько смогу заработать, согласившись на его предложение. Именно поэтому, невзирая на вечер и утомление после трудового дня, я вывела машину с автостоянки и направила ее в сторону, противоположную от моего дома, по адресу, нацарапанному для меня Гансом. Хотелось взглянуть на строение, приблизительно оценить его стоимость и составить представление о размерах условленных тридцати процентов. Если сумма окажется достаточно солидной, это заставит меня работать в полную силу и можно будет считать мертвый сезон закончившимся. К тому же я надеялась приятно провести сегодняшний вечер. А если еще и Чекменев Костя украсит его собой, то можно будет считать прошедший день удавшимся во всех отношениях.

Приятные мысли.

Район, где нужно было искать дом Кирилла Федоровича Семиродова, я знала приблизительно. Это был частный сектор еще социалистической застройки: непритязательные домишки, по обеим сторонам нешироких улиц – сады, редкие

пешеходы и почти полное отсутствие автотранспорта как в ту, так и в другую сторону.

Такое впечатление, что здесь все было под рукой, как в деревне. Нужную мне улицу я отыскала довольно быстро. Неторопливо катила по ней, присматриваясь к номерам домов, и вскоре оказалась на городской окраине, так и не добравшись до нужного мне. Слегка растерявшись, я остановила машину и закурила, размышляя, продолжить ли поиски пешком и поспрашивать у местных или колесить дальше по округе, надеясь на удачу. Но сейчас мне везло даже в мелочах.

Я назвала фамилию Кирилла Федоровича топавшемуся по обочине мальчонке с удочкой, и он, не задумываясь, махнул рукой в сторону холма, поросшего невысокими редкими деревцами, мимо которого, в пятистах метрах отсюда, проходило загородное шоссе.

Да, место для своей будущей резиденции господин Малышев выбрал отменное, ничего не скажешь! А вот и дом Семиродова. Стоит на отшибе от прочих, не привлекая к себе внимания, и имеет вид отошедшего в сторонку, отвернувшегося от толпы престарелого аристократа. Одноэтажный, но довольно высокий, с разросшимся садом, обнесенный крепким забором, он всем своим видом заставляет вспомнить редкое теперь слово – усадьба. Стоит присмотреться к нему получше. По-моему, стоимость его больше двухсот тысяч. Только если уж он совсем ветхий...

Дом был хорош, чего нельзя было сказать о ведущей к нему дороге. Свое асфальтовое покрытие она, по-видимому, потеряла еще в незапамятные времена, превратившись в грунтовку в самом худшем понимании этого слова. Протаскивая машину по колее около пятидесяти метров, я решила выбраться на целину. Тем более что следы от колес на ней уже были.

Лучше бы я этого не делала!

Едва машина выбралась на ровное место, как раздался хлопок и моя «девятка» заковыляла, припадая на «переднюю лапу». Приехали. Вот досада! Теперь вылезай, Танечка, и чеши затылок.

Сознавая свою полную беспомощность, я уныло потыкала носком кроссовки пропоротое колесо и в растерянности оглянулась по сторонам. Ситуация! Хотя в багажнике, как и полагается, лежало запасное колесо, пользы от него без домкрата было немного. Надо сказать, что я категорически против того, чтобы возить с собой эту вечно масляную, тяжеленную штуковину. Когда же в ней – вот как сейчас – возникла необходимость, я предпочитала пользоваться услугами добровольных помощников.

Вот только где их взять сейчас, в стороне от дороги?

Выбора у меня не было, и, заперев машину, я двинулась на своих двоих к семиродовскому дому. Пешком до него было не так уж и близко. Пройдя несколько десятков шагов, я наткнулась на капот автомашины, скрытой кустами сире-

ни, широко разросшимися вдоль стены. Почувствовав воодушевление от того, что судьба подарила мне прекрасную возможность ненавязчиво познакомиться с хозяевами и попросить у них помощи, я расценила приключившуюся со мной неприятность чуть ли не как удачу.

Дом и вправду был великолепен. С кирпичным цоколем, широкий – три окна по фасаду, – сложенный из толстых тесаных бревен. Над черепичной, потемневшей от времени красной крышей фигурными башенками возвышались две трубы. Стоит он здесь наверняка не одно десятилетие и простоят еще столько же. Отгрохать такое жилище в социалистические-то времена?! Это кем же надо было быть при старом режиме? Родственником партийного бонзы? Директором завода? Или наисиятельнейшим руководителем райпищеторга?

Довольно обширная, заросшая буйной растительностью территория за домом была обнесена, по обычаю наших краев, частым штакетником. Подойдя ближе, я удивилась, что между деревьями не видно ни клумб, ни овощных грядок, ни ровных рядков картофельной ботвы. Да и сами деревья не из культурных – ни одного фруктового среди них нет. А ведь посажены они здесь искусственно, это очевидно. К тому же посажены давно. Даже порядок какой-то в их расположении угадывается. А в окрестностях – голо. Только кусты кое-где лепятся по склонам канав. Вместо сада – как это полагается у нормальных людей – возле дома парк разбили и обнесли его забором. Видимо, от непрошенных гостей. Оригиналы здеш-

ние хозяева, ничего не скажешь.

Размышляя на эту тему, я вскоре оказалась у таких же крепких, как и дом, старых деревянных ворот, запертых изнутри. Я огляделась по сторонам. Околица метрах в ста, не меньше. Да, во всем угадывалось стремление к уединенности, граничащее с нелюдимостью и стремлением отгородиться от общества. «От коллектива», – как говаривали раньше.

Невысокая калитка между воротами и углом фасада оказалась незапертой. Громко и расхлябанно скрипнув, она поддалась, и я очутилась в узком длинном дворе, заросшем по краям лебедой и отгороженном от парка ржавой металлической сеткой.

– Шарик, Бобик, Тузик! – позвала я на всякий случай, готовая ретироваться в любой момент.

Но ненавистного собачьего лая не последовало. Калитка с протяжным скрипом закрылась за моей спиной. От безлюдья и запустения мне стало тревожно. Хотя место определенно было обитаемо: вытоптанный посередине двор, следы колес на сухой земле...

Да что я, в самом деле, беспокоюсь! Электросчетчик, что ли, я пришла проверять?!

Отставив в сторону беспричинно возникшую настороженность, я прошла по тропинке к высокому крыльцу под навесом. Подойдя к двери с отодвинутой наружной задвижкой, с проушинами для навесного замка, я решительно и громко стукнула несколько раз. Не дождавшись реакции хозяев, я

уже нагло, с дребезгом, забарабанила в окно рядом с крыльцом.

– Да что они там, поумирали, что ли? – пробурчала я, с силой толкая дверь.

Наглость всегда приносит какие-нибудь плоды.

Дверь с противным скрипом внезапно поддалась, и я перешагнула через порог. Постояв немного, чтобы глаза привыкли к темноте, и жалея, что подошвы кроссовок не стучат по деревянному полу, как кованые каблучки, я направилась к еще одной приоткрытой двери, ведущей внутрь дома.

– Хозяева! – крикнула я громко, еле удержав себя от дурацкого: «Ку-ку!»

Однако выйти мне навстречу хозяева не торопились. Впрочем, дом отозвался на мой призыв, но, увы, не по-человечески. Где-то в глубине дома гавкнула собака и с подвываниями закулила, будто жалуясь на свою нелегкую долю. Опасность нарваться на собачьи клыки была реальна, и следовало соблюдать если не вежливость, то, уж во всяком случае, осторожность.

Помня об опасности, я оставила дверь в прихожую открытой – таким образом в нее проникало хоть немного света – и двинулась наугад по коридору, готовая в любой момент к поспешному отступлению. За эту осторожность я не раз потом себя хвалила.

Нет, собака мне так и не попалась. Мне вообще никто не встретился.

Все случилось в одно мгновение...

За спиной что-то коротко прощуршало. Я даже дернуться не успела, как шею обожгло настолько сильной болью, что мне показалось, будто ее перерезают лезвием. Моя реакция и физическая подготовка сыграли свою роль, и в ту секунду, когда удавка уже врезалась в кожу, я умудрилась подцепить ее пальцами.

Гаротта – стальная струна или тонкая цепочка – инструмент для надежного и бесшумного убийства. При умелом использовании она впивается в шею, не оставляя ни единого шанса жертве, в предсмертной судороге бесполезно скребущей горло ногтями.

Сначала я почувствовала нестерпимую боль, а дальше автоматически включилась программа самозащиты – спасибо Косте Чекменеву, изрядно помучившемуся со мной на тренировках.

Убийца стоял вплотную сзади, растягивая концы струны в разные стороны. Он не успел закончить свое подлое дело, когда мое колено резким движением вскинулось кверху, пятка прижалась к ягодице, а бедро резко дернулось вниз. Подошвой кроссовки я надежно угодила нападавшему между ног и впечатала ее с такой силой, на какую только была способна. Задохнувшись от боли, убийца выпустил из рук стальную струну. Оттолкнув его, я почувствовала, что оседаю на пол. Падая, я ушибла плечо и рефлекторно выдернула пальцы из-под удавки. Впивавшаяся в кожу струна причинила мне до-

полнительную боль. Нашупав за затылком один конец удавки, я поспешно высвободилась от нее.

Осознавая на данный момент только то, что меня сейчас всерьез постарались отправить на тот свет и что убийца мог еще не отказаться от своих намерений, я вскочила на ноги и с гароттой в руке шагнула к корчившемуся и глухо рычащему от боли мужчине. И тут на меня накатила такая истерика, что впоследствии, вспоминая о том, что произошло дальше, я не раз краснела от стыда.

Пританцовывая на полусогнутых ногах, я принялась из всех сил хлестать его струной. Перекладинки на ее концах щелкали по голове, по плечам и несколько раз попали ему в лицо. Нападение застало его врасплох. Он поднял голову и, без единой попытки к защите, держась за стенку, стал подниматься. Когда он уже почти выпрямился, я еще раз ударила его ногой в живот.

Он опять скорчился, теперь уже лежа. Не удержавшись на ногах от внезапной сильной дрожи в коленках, я уселась рядом.

Внимание постепенно возвращалось в нормальный режим восприятия окружающего, и я опять услышала собачий визг, перемежающийся злобным брехом. Взбудоражили мы животное своей возней, заставили нервничать.

Мой партнер по драке, похоже, начал приходить в себя. Расслабился, глубоко задышал и тут же обдал меня алкогольным перегаром. Ах, тварь ты этакая!

– Послушай, мерзавец, – обратилась я к нему с праведным негодованием, – даже забравшегося в дом воришку нормальные люди не кидаются душить, не спросив хотя бы о целях визита.

Мерзавец посопел, подумал о своем и выдал коротко, но ясно:

– Пош-шла ты!..

– И пошла бы, если б ты меня в дверях не встретил. А сейчас прими в знак признательности за обхождение!..

Я сидела на подходящей от него дистанции, и пощечина – нет, это была оплеуха – получилась весомой и классически звонкой. Мерзавец охнул и, взмахнув рукой, попытался меня достать. Пришлось со всей серьезностью посоветовать перестать наконец резвиться и взяться за ум. В противном случае я обещала не удержаться и повторно применить меры воздействия... С некоторыми добавлениями...

Пока я упражнялась в красноречии, не забывая, кстати, о ненормативной лексике – чтоб до него легче доходила родная речь, – он оправился настолько, что сел и внимал мне, разинув рот.

– Так ты – не она? – удивился он, едва я смолкла.

– Ну, это еще вопрос! – возразила я, поднимаясь. – Вот что я – не он, так это без сомнений.

Юмора он не понял, но, кажется, даже обрадовался чему-то. Я пнула его, как колесо, носком кроссовки и велела подняться и провести меня в помещение, более подходящее

для объяснений, чем это. Но наглости его не было предела.

– Каких еще объяснений?.. – начал он, но я не дала ему договорить.

– Ты что, свинья, – заорала, как ненормальная, – думаешь, что я вот так просто оставлю тебя в покое после всего, что ты со мной сделал?

– А что, платить мне тебе нечем, – пробурчал он, вставая.

Слегка прихрамывая, он повел меня обратно в прихожую и, не дойдя до нее, открыл не замеченную мной ранее дверь. Мы оказались в гостиной, обставленной старой, послевоенной поры, мебелью. Снаружи окна были закрыты ставнями, изнутри – занавесками, под потолком тускло горела лампа в синем матерчатом абажуре с бахромой.

В обычной ситуации я с удовольствием обошла бы эту комнату, рассмотрела и потрогала бы комод, покрытый лаком буфет и шифоньер. Тут даже был сундук, размером с односпальную кровать. Но все это я едва заметила, потому что меня колотила нервная дрожь и мне было не до интерьеров.

«Мерзавец» подошел к столу, заставленному тарелками с остатками еды, и осторожно опустился на стул с круглой спинкой и гнутыми ножками, после чего обратил ко мне свой лик.

Ничего особенного: худощавое вытянутое лицо, морщинистый лоб, мутноватые глаза, острый нос, толстые, синюшные губы и большие залысины. На вид лет под пятьдесят. Ничем не приметен и обычен, как эмалированная кружка.

Я бросила гаротту прямо на тарелки с объедками, с грохотом придвинула стул и упала на него, почувствовав внезапную навалившуюся слабость. Он смотрел на меня снизу вверх, и от этого взгляд его казался виноватым.

– Ты, хам, опусти глаза!

Он спрятал лицо в ладони, и его «Угу!» прозвучало глухо и гнусаво.

– Как ты здесь оказалась?

– Пешком пришла!

Самым разумным было бы сейчас послать этого идиота куда подальше и поскорее выбираться на воздух. Но шея ныла, да и любопытно было выяснить, за что же здесь, вот так, запросто, людей проволокой душат? Причем выяснять хотелось поподробнее.

– Выпить хочешь?

Откуда-то снизу он достал початую бутылку водки и поставил ее на стол.

– Дай сигарету! – потребовала я и, прикурив, приступила к допросу: – Выкладывай, – предложила я для начала вполне миролюбиво, сдержав мгновенный порыв шарахнуть его бутылкой по башке.

– Зачем?

После всего случившегося я расценила этот вопрос как издевку.

– Может, ты с белой горячки на людей кидаешься?

– Нет, не страдал никогда!

Он плеснул себе в стакан водки и, выпив ее одним глотком, поднял на меня сразу заслезившиеся глаза.

– Я тебя в темноте за другую принял, перепутал. Извини, пожалуйста!

От этого «пожалуйста» меня разобрал такой смех, что даже губы затряслись, но я сдержалась. Справившись с накачивающейся истерикой, я глубоко затаилась, а «мерзавец» налил себе еще водки. Выпитое укрепило в нем дух, и он заговорил вполне членораздельно:

– Да повадились тут ездить к нам на мотоциклах... Молодежь. Требуют, понимаешь, от нас не знаю чего. Несуразицу какую-то несут, о справедливости толкуют, о правах что-то доказывают. Ну, достали они нас, дальше некуда. Да еще грозят! Сожжем вас, говорят, если не отдадите по-хорошему! А чего отдавать-то! – Он глотнул, сморщился и, ткнув вилкой в объединенный огурец, захрустел, а потом, со свистом выдохнув, продолжил: – Эта Катька Лозовая сама не знает, чего хочет. И ведь договорились, что за дом деньгами отдадим, и согласилась она, зараза, взять, а теперь черт-те что требует, ну уму непостижимо! С-су-уки!

Он пьянел буквально на глазах.

– Что за Катька?

– Лозовая! – ответил он возмущенно и махнул вилкой в мою сторону. – Ты же не знаешь... На мотоциклах они из другого города приехали. У нее там дед помер, сволочь старая! А этот дом его, по праву его, только мы в нем живем и

документы на нас сделаны. Ну не я, у меня квартира в городе, но это – ладно... А она наследница этого деда, который помер, ты понимаешь? Он дом ей оставил. И не только его, но это – ладно! За дом мы с ней сговорились деньгами отдать, а теперь она орет – остальное давай. Зараза! И дружки ее, которые тоже на мотоциклах, кричат, спалим, мол, вас завтра, а если и тогда не отдадите, поубиваем к чертовой матери! И ведь поубивают!

Последние слова он произнес тонким, плаксивым голосом.

– И ты решил Катку убить? А вместо нее на меня набросился?

– Что? Да-а! – протянул он со свирепой решимостью. – Потому что сказали мы ей, чтобы здесь больше не появлялась!

Еще немного, и он, похоже, буяннить начнет. Вот уже и кулаком по коленке стукнул.

– А этой Лозовой сколько лет-то?

– Хватает! – он махнул рукой. – А сколько, к примеру, тебе?

– Двадцать семь, – ответила я откровенно.

– Вот и ей столько же, наверное. И вообще, вы с ней похожи.

Как все пьяные, он довольно быстро перешел из стадии «закипания» в полублаженное состояние. Он перестал злиться и откровенно пялился на меня мутными глазами,

масляно улыбаясь. Зараза!

– А что еще, кроме дома-то, Катька требует? За что спалить обещает?..

Он не дал мне договорить.

– Да за «капли» же! – проорал возмущенно.

– А ну заткнись! – тихо, но грозно прозвучало за моей спиной.

«Мерзавец» мгновенно заткнулся, будто выключили и воздух из него выпустили. Он весь сжался и даже как-то уменьшился в размерах, привалившись грудью к краю стола.

А вот и долгожданный «второй» появился. Добро пожаловать. Здра-авствуйте!

Меня чуть не передернуло от отвращения. Вот это образина! Из-под шапки седых, курчавых, как у старого негра, волос в меня вперились маленькие, близко посаженные глазки.

– Заткнись и убери эту дрянь со стола, – скомандовал он.

Вовремя он появился – стоило лишь «мерзавцу» заикнуться о каких-то каплях. Должно быть, за дверью стоял и подслушивал.

Тот, что сидел за столом, послушно взял со стола гаротту, но, зацепив ею какую-то посуду, со стуком опрокинул ее. Старик взглянул на него злыми глазами, а я решила поподробнее рассмотреть его.

А посмотреть было на что. Старый, но слово «дряхлый» к нему было абсолютно неприменимо, столько энергии чувствовалось в его худом, прямом, без признаков старческой

сутулости теле. Если б не морщины и седые волосы, он казался бы не старше «мерзавца». Лицо же его было ужасно! Нерадостные прожитые годы отразились на нем в полной мере. Кожа на лбу была изрезана глубокими морщинами, между которыми бесформенными кустами торчали клочки седых бровей. От скул к подбородку по щекам пролегали вертикальные складки. Нос, в незапамятные времена свернутый набок безжалостным ударом, казалось, имел только одну ноздрю. Четко очерченные кривые губы сжаты в тонкую, неровную линию. Дополняли эту вурдалачью внешность усы. Длинные и седые, они начинались у уголков рта и свисали, как у монгола, вертикально вниз до самого подбородка. Довершали портрет спортивные штаны, темная фланелевая рубаша (это в такую-то теплынь!) и босые ноги.

Проследив за исполнением своего распоряжения, старик взглянул на меня.

– Ты кто такая? – Пили они наверняка вместе, хотя дед казался совершенно трезвым. – Ты откуда взялась, фря?

Фря, насколько мне известно, женский род. От мужского – фраер. Малоизвестное широкой публике, это слово в основном употребляется лицами, разбирающимися в блатном жаргоне прошлых времен.

– Ну?! – подогнал он меня чересчур грозно.

Во мне всколыхнулась волна холодного бешенства. Взяв со стола стакан, я сполоснула его водкой, выплеснув ее прямо на босые ноги старика, налила себе пальца на два и вы-

пила одним глотком, не почувствовав вкуса. Окурок все еще дымился у меня в руке, и я бросила его в тарелку с остатками картошки. Только после этого одарила Семиродова – а я была уверена, что это он – ответом. Поднимаясь с места, я повернулась к нему лицом:

– С улицы. Я всего лишь случайная прохожая. Забрела к вам попросить помощи и чуть не угодила в проволочный переплет.

– Это не Катька, Кирилл Федорович! – ясно и быстро проговорил «мерзавец». – Ошиблись мы.

– Мы? – прозвучало удивленно.

Мягко шлепая босыми ногами, старик медленно прошел к покинутому мной стулу и со вздохом уселся на него.

– Я... – растерянно поправился «мерзавец», но он уже перестал существовать для Кирилла Федоровича.

– О чем базаришь, если ты без спросу в чужой дом влезла?

– Влезают воры, – ответила я со всей вежливостью, на которую только была способна. – А я вошла.

– Не воры, а крадуны, – невозмутимо поправил он. – Воры по домам не шарят.

Не хватало мне с ним еще спорить на тему блатной иерархии!

– Если не дозвалась хозяев, то надо было повернуться и уходить. Разве не так?

– Так. Но и войдя без разрешения, я не заслужила петли на шею.

– Все виноваты, – рассудил он примирительно. – Сунулась ты куда не надо, не зная дел, вот и пострадала. Давай мы извинимся за неприятность, и иди своей дорогой.

– Ничего себе неприятность! – Я дотронулась до шеи. – Рубец останется. А если дорога моя у ваших ворот кончается? Тогда как?

Ух как зыркнул на меня Кирилл Семиродов! Ух как сузил свои глаза в пронзительном прищуре! Что, не выдержал борзости моей, урка замшелый, психовать начал? Давай-давай, в гляделки поиграем. Кто кого? Жаль, что ты стар, а то я – по своему теперешнему настроению – или научила бы тебя разговаривать, как полагается, или отмордовала бы без жалости!

Семиродов не выдержал, отвел глаза. Вежливо, без вывертов, попросил:

– Я что-то не понял про ворота. Но ты подожди, Маша, мы с тобой сейчас вдвоем побазарим.

До меня не сразу дошло, что в былые времена «Машами» называли уважаемых в блатной среде женщин. Подойдя к старику вплотную, я нагнулась к его лицу и, держа ладонь на больной шее, по-змеиному прошипела:

– Ты, бывший, не буду я с тобой разговаривать после этого. Боюсь потерять уважение к твоим сединам и поступить недостойно. Завтра жди. Тогда и поговорим. И счет тебе за сегодняшнее выставлю. Не этому лоху, – я ткнула пальцем в Ивана, – а тебе.

Сцепив пальцы в синих, зоновских наколках, старик, опустив глаза, молчал. Чем-то я его уела. Своей яростью, что ли?

– А ты, – повернулась я к племяннику с грозным видом, но при виде его вконец перепуганного лица смягчилась, – пойдешь со мной. Возьми домкрат. Колесо у моей машины лопнуло.

– Смотри, язык больше не распускай! – предупредил его дед Кирилл. – Не твое это дело.

Господи, как хорошо на заросшем лебедой, освещенном вечерним солнышком дворе! Но и от двора мне захотелось удрать подальше, едва мы с Иваном вышли из калитки на улицу.

Пока он ковырялся с запаской, я, забравшись в салон машины, принялась рассматривать в зеркало свою пострадавшую шею. Удавка оставила на коже заметный со всех сторон след, а местами, особенно с боков, даже кровоточила. Но ведь могло быть и хуже.

Захотелось вылезти и пнуть заканчивающего работу Ивана в зад. Чтобы не поддаваться искушению, я спросила:

– А откуда взялась здесь эта Лозовая?

При ее упоминании он сплюнул, но ответил весело:

– Из другого города принесла ее нелегкая. Странно, что ее сегодня здесь нет. Она с дружками обычно вот по этому шоссе гоняет, вокруг аэропорта. Бензин жгут, бездельники! Рокеры, мать их!

– Когда дом-то жечь собираются? – спросила я, кончика-

ми пальцев массируя вздувавшийся рубец.

– Ха! Завтра обещали заняться. – Он поднялся и отряхнул колени. – Все. Готово. А зачем тебе?

Я вылезла из машины, чтобы оценить его труд.

– Да вот, думаю, не приехать ли полюбоваться?

– Оно тебе надо? – выпятил он губы в удивленной гримасе и вернул мне гаечный ключ.

– Не надо мне ничего! Спасибо тебе за все, что ты для меня сделал!

Мужик смутился и, махнув на прощание рукой, уже повернулся, чтобы уйти, но я его остановила:

– Эй, а ради чего все-таки Лозовая от дома отказалась?

– Не отказывалась она, – повернулся он ко мне вполоборота.

Вот как! Значит, Лозовая от дома не отказывалась.

– Ага, не отказывалась, а наследство свое сжечь готова. Врете вы оба!

– Да, сжечь хочет. Потому что требует с нас того, чего мы и в глаза-то не видавали. Нам это надоело, мы указали ей на порог, а она обиделась.

– Что ж она такого требует, за что можно целый дом спалить?

– Кирилл Федорович большую часть жизни в зоне провел – так уж сложилось. И старика Лозового, деда ее, по прошлому своему хорошо знал, – он осекся, видно, вспомнил дядькин приказ держать язык за зубами и, поморщившись от до-

сады, быстро закончил: – Чушь, в общем. Какая-то старая тюремная байка, не знаю я толком. Если хочешь, иди у него самого спроси.

– Спрошу, – пообещала я, – Про все спрошу. Не сам же ты до удавки додумался. Завтра приеду, как обещала. Пусть ждет.

Иван поежился, подхватил домкрат и, сгорбившись под его тяжестью, побрел к дому, а я, сев за руль, направилась в противоположную сторону. Когда, въезжая на шоссе, я взглянула в зеркало заднего вида, он еще только подходил к калитке.

«Маша!» – вспомнила я кличку, полученную от старого блатаря, и смачно, по-мужски, сплюнула в открытое окно.

Дело, предложенное мне Гансом и казавшееся вначале таким незамысловатым, началось какой-то непонятной мешаниной, круто заваренной незнакомыми мне людьми и в которой – если я приму его предложение – разобраться будет непросто. И те тридцать процентов, так воодушевившие меня вначале, заработать будет непросто.

«Не явятся ли они тридцатью сребрениками, взятыми за чужую беду?» – подумала я, вспомнив, как плеснула водку на босые ступни Кирилла Семиродова.

Глава 2

Окончательно успокоиться я смогла только дома. Осторожно приняв душ – кожу шеи отчаянно щипало от мыла и воды, – я приготовила себе добрую порцию крепкого кофе и, усевшись в любимое кресло, поглядела на свое отражение в зеркале. «А что, собственно говоря, мне мешает позвонить сейчас Малышеву и обидеть его отказом?» – спросила я себя. И таким образом продлить скучный, но безопасный мертвый сезон еще на неопределенное время. Но я этого не сделала. Злое упрямство и желание идти наперекор складывающимся обстоятельствам, уже отметившим мою шею узкой красной полосой, сделали свое дело. Хорошо еще, что проволока, впивавшаяся в кожу, не скользнула из стороны в сторону, но и так, одним давлением, она подарила мне багровый рубец. Местами кожа была содрана и ранки уже запеклись, и в довершение этого шея начала опухать. Требовались простые и действенные меры, чтобы завтра я могла не только прилично выглядеть, но крутила своей головушкой более-менее легко и безболезненно.

«Нет, Гансу я звонить не буду», – решила я.

Зазвонил телефон. Наверное, это мой дорогой сэнсэй – Костя Чекменев. Он всегда чувствует, когда я о нем думаю. Ведь я сегодня хотела провести с ним вечер. Но не могу же я встречать его с таким ожерельем! Да и настроение не то.

Услышав мой решительный отказ, не оставляющий ему на сегодня никаких надежд, Константин огорчился, и мне стало жаль его.

– Ну, погоди, Татьяна, – пригрозил мне Костя в свойственной ему грубовато-ласковой манере, – попадешься ты мне в спортзале. Сэнсэй Чекменев найдет способ сорвать на тебе свою досаду! Может, завтра? – спросил он с такой надеждой в голосе, что я не смогла больше проявлять твердость.

– Хорошо, только не с утра.

– Да, не с утра. Утро у меня забито плотно. И большая часть дня, пожалуй, тоже.

– Я позвоню тебе, хорошо?

– Обещаешь?

– Обещаю.

Как мало нужно, чтобы успокоить мужчину, испытывающего к вам слабость. Особенно если и вы к нему не равнодушны. Впрочем, я стараюсь выполнять свои обещания.

Итак, решение принято.

– Я ввязываюсь в эту историю и постараюсь не искать для себя новых неприятностей, – сказала я своему отражению, и оно не возразило, а напомнило лишь о том, чтобы перед сном я не забыла положить на шею компресс. В противном случае неприятности начнутся сразу после пробуждения.

Шестьдесят тысяч «зеленых» – тридцать процентов от суммы, в которую я скромно оценила дом Семиродовых,

стимулировали мое желание к действиям. Это вам не конвертик с жалкой пятисоткой мелкими купюрами.

Прошедший день был бы неполным, если бы я, следуя своей стародавней традиции, еще кое-что забыла. Чтобы определить «что день грядущий мне готовит», в спокойные периоды моей жизни гадать я предпочитаю по вечерам, а в моменты особого напряжения, загруженности или треволнений – по мере надобности. Хотя сегодняшний день выдался, прямо скажем, своеобразным, о гадалых костях я вспомнила только сейчас.

Вытряхнутые из мешочка кубики раскатились по ковру в разные стороны.

4+15+28. В переводе с языка цифр на человеческий это означало: «Причудливый поток жизни, несущий вас в своих струях, проявляется в сознании чередой обстоятельств, зачастую не зависящих от вашей воли. Умейте изменить планы действий в соответствии с переменами, происходящими вокруг. Излишняя настойчивость сродни слепому невежеству».

Когда-то, тренируя память, я заучила наизусть целый том расшифровок подобного рода и с тех пор безошибочно пользуюсь плодами этого воистину титанического труда.

Хорошо. Буду действовать сообразно обстоятельствам. Тем более, я уже оставила мысль о том, что это дело будет спокойным. Недаром же Ганс не захотел говорить о нем в кабинете и мялся, рассказывая на улице. Но негодяй не соиз-

волил выложить все в деталях и предупредить об осторожности. А может быть, он и сам толком ничего не знал. Впрочем, о бурном прошлом Кирилла Федоровича – не к ночи будет помянут этот вурдалак – все же рассказал. Меня заинтересовало, что документы на дом оформлены на старика. Помнится, я едва не спросила Малышева, кто настоящий владелец. Видимо, Ганс решил, что я и сама быстро во всем разберусь. Уж разобралась! Слава богу, что дело только компрессом кончилось. А Гансу я все-таки позвоню – послушаюсь гадания – и, несмотря на поздний час, поблагодарю за полную информацию.

Татьяна Александровна в зеркале не возражала. Она удалилась, а когда появилась вновь, держала в руках хрустальный бокал с коньяком, пепельницу и сигареты.

Значит, так. Старик Семиродов является домовладельцем де-юре, а де-факто хозяйка дома – некая девица Екатерина Лозовая, унаследовавшая имущество от своего деда, тоже уголовника, которого Семиродов знал по своему бурному прошлому.

И вот Екатерина прибывает в Тарасов, чтобы вступить в права наследования. Права ее Кириллом Федоровичем не оспариваются, и это странно. Он готов заплатить ей отступного и оставить дом – по бумагам его собственный – за собой.

Скорее всего здесь-то и зарыта причина отказа Семиродова продать дом Малышеву. Видимо, какие-то законы уго-

ловной среды не позволяют Семиродову послать Лозовую к черту и снюхаться с Гансом. Скорее всего причина отказа именно в этом. Моя задача или устранить причину, или изменить обстоятельства таким образом, чтобы они не препятствовали сделке. Но как это сделать? Минимум, надо составить план действий, а для этого надо хорошо разбираться в деталях.

Я хлебнула коньячку, чтобы отметить свое первое логичное умозаключение, и с удовольствием закурила.

Продолжим. Выходит, так: получай, Екатерина, наличные, вали в свои родные веси и оставь старого кореша в покое, дай дожить оставшиеся дни в привычном месте.

Не тут-то было! Вражда, возникшая между Семиродовым и Лозовой, оказалась настолько сильной, что одна сторона дошла до серьезных угроз, а другая решилась на глупое во всех отношениях убийство. Ведь, накидывая петлю мне на шею, Иван был уверен, что убивает Екатерину Лозовую. Чтобы на такое решиться, одной угрозы поджога мало.

Заподозрить в помешательстве Лозовую я не могла – не было оснований. Стало быть, намерение сжечь собственное наследство, за которое без хлопот можно взять неплохие деньги, это средство выколотить из Семиродовых нечто более ценное и принадлежащее, без сомнения, ей же.

Что же явилось яблоком раздора? Помнится, Иван заикнулся о каких-то каплях, но в этот момент появился Кирилл Федорович – будто ждал за дверью – и велел племяннику за-

ткнуться. А когда возле машины я опять спросила его о том же, Иван ответил, что это всего лишь старая тюремная байка, и говорить на эту тему больше не захотел.

Я даже усмехнулась – ни дать ни взять, «тайны мадридского двора»! Но что бы это могло быть на самом деле? Похоже, вокруг закипали страсти.

Как вчера выразился Иван? Мать их? Так вот: тайны, мать их! Завтра я начну эти тайны раскрывать.

Затушив сигарету и глотнув еще кофе, я сняла телефонную трубку и набрала номер Малышева. Он ответил мне сам. Голос был сонным и недовольным.

– Татьяна-ана Александровна! – вяло поздоровался он, зевая.

Я сразу сбила с него сонливость, окатив, как водой из ковшика:

– Ганс, как вы воспримете, если в доме Семиродовых случится пожар?

– Вы полагаете, это телефонный разговор? – спросил он после недолгого раздумья.

– Ничего страшного, – ответила я, – не мы же с вами будем его поджигать.

– М-м, тогда – положительно.

– Я думаю! В таком случае платить за дом вам не придется, не так ли? Только за сад и надворные постройки. А квартиру погорельцу, при ваших возможностях...

– Вы о чем, Татьяна Александровна! – перебил он меня. –

Вы это серьезно?

– Пока не знаю.

– А когда узнаете?

– Когда буду уверена, что сгоревший дом не мешает мне получить свои тридцать среб... – я улыбнулась своей оговорке, – процентов от его теперешней стоимости.

– Сколько?

Каким кратким и деловым сделало Ганса волнение!

– Шестьдесят тысяч, не считая накладных расходов.

– Будьте уверены! – услышала я в ответ и, не прощаясь, положила трубку – пока это все, что я хотела услышать.

То ли коньяк меня так расслабил, то ли отдала я Гансу последние остатки своей взвинченности, только вскоре глаза мои стали слипаться. Мечтая о постели, я соорудила на шее компресс. Оставалась еще мысль об ужине, но, решив, что поужинаю в завтрак, я отправилась на боковую.

Мое следующее утро началось с приятной детали. Багровая полоса на шее потемнела и сделалась еще заметней, но кожа осталась гладкой, и это уже было хорошо. Шелковая косынка вокруг шеи надежно скроет этот дефект от посторонних глаз, а моей внешности добавит каплю эксцентричности.

Получилось даже лучше, чем ожидала. Косынка отлично подошла к белому спортивному костюму, и выглядела я блестяще.

Плотно позавтракав, я приготовила кофе и наполнила им

термос. Постаравшись как можно больше времени убить на пустяки для того, чтобы не нагрязнать к Семиродовым слишком рано – не хотелось показаться нетерпеливой, – я вышла из дома. Машина ждала меня у подъезда.

Кошмары вчерашней ночи меня не мучили, погода была прекрасной, и встретила я сегодняшний день в хорошем настроении.

«Изменять планы в соответствии с изменяющимися обстоятельствами», – вспомнила я результат вчерашнего гадания и решила сделать его девизом сегодняшнего дня. План, вернее, намерение, у меня пока один – ознакомиться с обстановкой, изучить детали и подумать о том, как повернуть дело так, чтобы продажа дома явилась для Семиродова избавлением от всех бед. Не следовало забывать при этом и о, мягко говоря, обиде, нанесенной мне Иваном. Но ответственность за нее я без колебаний возложу на старика и опять же постараюсь, чтобы этот груз показался ему еще более тяжелым. Как я это сделаю? Пока не знаю. Война план покажет. Надо признать, что, несмотря на мою взвинченность, старик меня вчера озадачил и насторожил.

По мере удаления от центра проезжая часть становилась свободнее, и вести машину было легко. К тому же я избегала оживленных магистралей, объезжая их по тихим зеленым улочкам. Времени у меня было достаточно, поэтому спешить не хотелось да и не требовалось. Перед разговором с Кириллом мне необходимо было выбрать для себя определенный

образ, иначе, кроме «фря», я от него едва ли что толкового услышу. Простым хамством его не одолеть.

Вчера случайно я затронула в нем некую струнку, заставившую его терпеть мои выходки. Он меня даже Машей называл, а это более чем комплимент. Началось все с обычной грубости, которую он перенес, едва сдержавшись, а закончилось наобум ляпнутой фразой, что мой путь, мол, заканчивается у их ворот. У него, пораженного этим, даже глаза сузились, а затем последовала Маша.

Я уже почти приехала, но так и не додумалась ни до чего путного. Ну что ж, придется держаться жестко, независимо и в меру напористо. Буду наблюдать за стариком, на ходу делать выводы и полагаться на интуицию. И на удачу тоже.

Вот он, деревенский район городской окраины, как называет такие места один мой знакомый.

Всполошенно кудахча и хлопая крыльями, из-под колес выскочила курица, и я ругнула себя за невнимательность. К этому присоединилась облезлая, худосочная собачонка. Она зашла в брехливом лае, пробежав рядом с машиной с десятком метров. Когда я уже заворачивала в нужный мне переулок, ханыжного вида малый, маявшийся на обочине, взглядевшись, что-то мне крикнул. Только вписавшись в поворот, я расслышала, каким именем он меня окликнул: «Лозовая!» Без колебаний я остановила машину.

– Лозовая! – повторил он, торопясь ко мне трусцой.

Видно, друзья-рокеры здесь весьма популярны, если их

принцессу каждый ханыга знает. Только отчего же он меня за нее принял?

– Лозовая! – упорствовал парень в своем заблуждении.

– Откуда ты меня знаешь?

– Видел, – он едва перевел дух, – как ты вчера от Семиродовых выходила, с Иваном, а там до тебя отродясь молодых баб не бывало.

Вот так, оказывается, все просто. Я открыла дверцу, чтобы нам было удобней разговаривать.

Молод, но пропит до предела. Парню недолго оставалось до того состояния, про которое говорят, что человек опустился ниже уровня городской канализации. Опухшее, но выбритое лицо. Относительно чистая, но мятая одежда. Наверное, спит он не раздеваясь. Короче говоря, не из таких, ради кого я запросто могу остановить машину.

И не остановила бы, не крикни он так удачно.

– А на мотоцикле ты лучше смотришься.

Тоже мне комплимент! Знал бы, как сам смотрится!

– Чего тебе?

– Дай тридцатку, а? Для тебя же это мелочь, а мне поправиться поможешь.

– Ты для этого меня остановил? – Я захлопнула дверцу перед самым его носом. – Хотя и мелочь, а алкашам, вроде тебя, я не подаю из принципа.

– погоди, Катерина, – он вцепился в дверцу обеими руками – благо окно открыто – и приблизился настолько, что

я почувствовала запах перегара, – я тебе про Ивана сказать хочу, не уезжай, ну! – выкрикнул он почти в отчаянье, видя, как я дернула рычаг переключения передач.

Пришлось задержаться.

– Про какого Ивана? – спросила я на всякий случай, мало ли на свете Иванов.

– Про Семиродова, про какого! Не ходи больше к ним, слышишь? Не ходи. Ванька тебя убить хочет. Я его давно знаю, с самого моего детства, он всерьез говорил, правда. Дай тридцатку, а?

Дверцу снова пришлось открыть, чтобы только не дышал в мою сторону и не заставлял мучиться.

– Как тебя звать-то?

– Аладушкин, – осклабился он, отчего его отечные глаза совсем закрылись.

– Врешь ты, Аладушкин. С чего это Иван будет с тобой своими планами делиться? Да еще такими серьезными?

– Он вчера здорово пьяный был. Ну, такой, что мне его до дому на себе пришлось тащить, вот и болтали по дороге.

– Во хмелю любой подонок становится героем, а то сам не знаешь. Ты мне лучше вот что скажи, мое имя ты от него тоже вчера узнал?

– Не-ет! – Аладушкин опять расплылся в отвратительной улыбке. – Раньше еще, я не знаю, может, дня три назад. Он мне деньги за тебя предлагал. Помоги, говорит, с ней разделаться, а когда – потом, мол, скажу. А мне на фиг...

Он осекся при виде извлеченного мной из «бардачка» бумажника и быстро облизнул потрескавшиеся губы. Но я не торопилась расплачиваться.

– Что-то в толк не возьму, за что он меня так наказывать хочет?

– Да ла-адно тебе! – не поверил Аладушкин моему недоумению. – Ты же дом его дядьки сжечь грозишься.

Пришлось рассмеяться ему в лицо. Получилось очень натурально и невесело.

– Я что, сумасшедшая? Зачем мне свой дом жечь? Семь родовых за него деньги дать готовы.

– Ага, готовы! Нашла дураков! Они его сами сожгут, лишь бы не платить ничего. А потом, он ведь у них застрахован.

– Слушай, откуда ты все знаешь! – удивилась я. – Ты им что, близкий родственник? Даже о страховке и то тебе известно.

– Да от Ваньки же и слыхал! – Он возмутился, отстаивая свою правдивость. Даже о деньгах в запале забыл. – Как встретит меня, так и рассказывает. Вот и сегодня тоже. После обеда, говорит, приходи, поможешь с Катькой, – он осекся, виновато оглянулся, – с Катериной разобраться. Отблагодарю, говорит, за мной не заржавеет.

– И ты пойдешь? – спросила я равнодушно и открыла бумажник.

– А чего? – пожал он плечами. – Схожу из интереса. Любопытно ведь. А помогать – на фиг!

Я отдала ему три мятые бумажки, чтобы он мои слова накрепко запомнил, чтобы засели они в его похмельной голове. Жалко мне его стало.

– Не ходи. И вообще, думай, что делаешь.

Но он, обрадовавшись, похоже, не внял моему предупреждению.

– Жги их, Катерина, не жалея! Они переживут, у них денег много и страховка есть! – заорал обалдевший от счастья алкаш на всю улицу и почти бегом поспешил прочь.

Пришлось уезжать отсюда как можно скорее, от любопытных глаз и ушей, нацеленных на меня, казалось, из-за каждого забора.

Я двинула машину окружным путем, чтобы в нескольких километрах отсюда выбраться на то самое, ведущее к аэропорту шоссе и по нему, не привлекая ничьего внимания, добраться до цели.

О поджоге я слышу уже во второй раз. Похоже, обстановка здесь накалена до предела – события назрели, как нарыв, и мне повезло вклиниться в них в самый подходящий для этого момент. Стоит ли вмешиваться, вот в чем вопрос! Может, их хижина Малышеву нужна? Вряд ли. Если не будет дома, сделка ему дешевле обойдется, а я свое получу в любом случае. Правда, Кириллу тогда жить негде будет? Но, во-первых, черт бы с ним, с Кириллом, – благодетелей я от него не видела, во-вторых, Ганс ему квартиру устроит за подпись на бумагах о купле-продаже пожарища. Да будет ли оно еще, по-

жарище-то? Нормальные люди заявили бы на рокеров в милицию, но Семиродовых нормальными никак не назовешь.

А ханыга Аладушкин? Я заиклилась на этом человеке до легкого мозгового ступора, потому что не знала, как пристегнуть его к происходящему. Роль, которую предлагал ему Иван, пригласив помочь обороняться от рокеров, подходила ему не более чем мне – автомат Калашникова.

«Меняй, Танечка, планы в соответствии с переменами, происходящими вокруг», – повторила я свой сегодняшний девиз, проезжая по шоссе мимо дома Кирилла Федоровича.

Сюда я вернусь позже, когда потолкую с дамой, за которую меня уже приняли дважды. Когда правдами и неправдами – половичком расстелюсь, топором над головой повисну – добьюсь от Лозовой ответа на вопрос о причинах конфликта. А когда мне ясно станет, почему Семиродовы решились на убийство, тогда наступит время для моей с ними беседы. И говорить в таком случае я буду, опираясь не только на одну интуицию. Если же за это время дом сгорит, что ж, на все, как говорится, воля божья.

А рокеры, по словам Ивана, как раз по этой дороге гоняют, бензин жгут.

Люблю я устраивать засады! Хотя какая там засада. Остановлю машину на обочине в удобном месте и спокойно буду дожидаться встречи.

Место я выбрала хорошее – ровную травяную площадку между двумя раскидистыми тополями. И глазу приятно, и

от дороги недалеко. Сиди себе, любуйся природой и слушай пение жаворонков. Ради одного этого стоило сюда приехать!

Очень кстати оказался болтавшийся в багажнике со времени последнего выезда на природу складной шезлонг.

Прикрыв глаза очками, закулив сигарету и откинувшись в отрегулированном на нижнее положение шезлонге, я решила подремать. Шум мотоциклов меня наверняка разбудит.

Хороша засада!

Проснулась я, как и предполагала, от шума моторов и восхищенного присвиста. Повернула голову – вот она, вся честная компания, в полном составе. Поставив «коней» в ряд вдоль обочины, на меня смотрели четыре пары глаз. Признаюсь, такое внимание явилось для меня неожиданностью. Чем я их так заинтересовала? Белым спортивным костюмом, что ли? Едва не воскликнув: что, мол, вам надо, ковбои, я сообразила (ох, как это непросто спросонок!): не им, а мне от них надо... Я уже открыла было рот, чтобы пригласить их к себе на полянку (тоже спросонок и тоже глупо, согласна), как рокерша, вторая в ряду, оттолкнувшись ногами, послала назад свою никелированную, зеркально блестящую «Хонду», вывернула руль, дала по газам и резко рванула с места. Остальные с шумом и треском двинули за ней следом. Кричать в спины не имело смысла.

А что, собственно говоря, произошло? На большее я и не рассчитывала с самого начала. Самое главное – не проспала их. Дорога-то одна, так что встреча наша неминуема. А уда-

лились они как раз в сторону семиродовского дома.

Не торопясь, я ехала по их горячим следам, в полном соответствии с ролью нейтрального зрителя, не собираясь ни во что вмешиваться, если там, впереди, вдруг развернутся какие-то боевые действия. Вскоре я была на месте. Рощица, загораживающая от меня город с левой стороны, кончилась, и глазам предстало зрелище. Ристалище. Почти родео. Ах, какая это была картина! И декорации подходящие – неяркое солнце в окружении облаков, окрашенных желто-алым пламенем.

Я аккуратно съехала с шоссе и осторожно повела машину по колее и ухабам, не спуская глаз с того, что творилось неподалеку.

В клубах пыли, завывая мощными моторами, взад и вперед носились мотоциклы. Разогнавшись, они подсакивали к штакетнику и тормозили в последний момент, когда казалось, что забору уже не уцелеть, гарцевали на задних колесах, крутились волчком, разбрасывая в стороны камни и землю с клочьями травы. Просто вызывающим их поведение назвать было нельзя. Оно было гротескно-вызывающим.

Устраивать пожар после такого балета, на который, без сомнений, сейчас любовалась вся округа? Не идиоты же они!

Ох, не думаю, что сумею заинтересовать их, возбужденных выступлением, своим разговором.

Один из «ковбоев», заметив мою машину, бесцеремонно приближающуюся к месту действия, отделился от остальных

и взял старт мне навстречу. Повторился только что виденный мной номер, только роль штaketника сыграла моя «девятка». Уверенная, что он сейчас врежется, я ударила по тормозам! Сердце ушло в пятки. Но он показал высший класс – только земли накидал на капот колесами.

Предупреждение показалось более чем красноречивым, и двигаться дальше я не решилась. Зачем лезть к буйнопомешанным с церемониями.

Госпожа Лозовая безжалостно бросила своего никелированного «коня» на землю, перешагнула через него и, подойдя к калитке, ударила в нее кулаком.

Сквозь пыль, еще висящую в неподвижном воздухе, виделось мне довольно смутно.

Женщина тряхнула распущенными волосами, ударила еще раз и, ожесточась, заколотила в некрашенные доски, как по барабану. Костюм из черной тонкой кожи, плотно облегавший ее статную фигуру, заходил на спине волнами от играющих мышц.

Такое мне было знакомо. Я почти кожей почувствовала ее ярость.

Ребята безобразничали и буянили изо всех сил, но делали это на удивление корректно. Никто из них не предпринял попытки что-нибудь разбить или сломать. Хотя окна все сплошь ставнями закрыты. Хорошо, что в этот раз возле дома не было машины Ивана, а то, боюсь, соблазн поколотить хотя бы фары для наездников оказался бы слишком велик.

Екатерина в последний раз грохнула в калитку каблуком миниатюрного армейского ботинка и, грозя кулаком, крикнула что-то в сторону окон. Плюнув в сердцах себе под ноги, она сникла, будто выпустила весь пар. Низко опустив голову, она пошла к мотоциклу. Никто из ее компании и попытки не сделал помочь ей поднять лежащий на боку тяжелый агрегат, но помощи она и не ожидала. Да и не нужна она ей была! Нагнувшись и крепко ухватившись за руль, Лозовая одним коротким движением поставила мотоцикл на колеса. Трое остальных тут же закружились вокруг нее быстрой каруселью. Екатерина перекинула ногу и, оказавшись в седле, мотнула головой с такой силой, что волосы хлестнули ее по лицу. Неожиданно ее лицо осветила улыбка, и она лихо рванула с места.

Эта женщина мне определенно нравилась! Обидно, если придется в ней разочароваться.

Мало обращая внимания на рытвины и ухабы, Екатерина быстро покатила вперед. Друзья значительно ее опередили, пронесаясь мимо меня с грозным рычанием.

Одной рукой лихорадочно опуская стекло, другой я судорожно нажала на сигнал. Когда она почти поравнялась с машиной, я крикнула в окошко изо всех сил:

– Лозовая!

Так меня остановил Аладушкин.

Рокерша пролетела мимо и затормозила настолько резко, что «Хонду» развернуло поперек дороги.

– Екатерина! – еще раз крикнула я, вылезая из машины.

Она взгляделась в меня, сдвинув брови, не узнала (откуда же!), и, сочтя дальнейшую задержку нецелесообразной, «дала коню шпоры» и умчалась, оставив после себя клубы пыли.

Ну нет, на этот раз планы изменению не подлежат! Тем более что причин для их изменения я не нахожу.

Для разворота машины по этой чертовой грунтовке потребовалось время, хоть и действовала я с лихорадочной поспешностью, и, когда выбралась на шоссе, от рокеров осталось лишь яркое воспоминание.

Моя «девятка» – машина резвая, но какой автомобиль может сравниться по скорости с хорошим мотоциклом на хорошей дороге, особенно если оседлан он хорошим наездником, не боящимся выкручивать до предела рукоятку газа.

Быстро переключая передачи, я разогнала машину до свиста рассекаемого воздуха, до ровного гула колес, до отстающего, сместившегося назад рева двигателя. Однокадровым миражем мелькнула мимо полянка, на которой я благодуствовала в шезлонге. Деревья по обочинам слились в единую ленту с неразличимыми подробностями. Это была полуезда-полуполет, только потряхивало на плавных неровностях и тогда, несмотря на злой азарт погони, замирало сердце, как в детстве на больших качелях. Встречные машины жались в сторону – от греха подальше. Попутных, к счастью, пока не попадалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.